

УДК 343.150.1

DOI: 10.17223/22253513/23/5

Д.А. Мезинов

СТАНДАРТ «ВНЕ РАЗУМНЫХ СОМНЕНИЙ» КАК КРИТЕРИЙ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Анализируются взгляды ученых на понятие цели доказывания в отечественном уголовном процессе и предлагается считать таковой достоверные выводы суда (а в определенных случаях и органа уголовного преследования) об устанавливаемых по уголовному делу фактах, рассматривая их в качестве юридической (судебной) истины. Обращаясь к критериям достижения обозначенной цели доказывания, автор делает акцент на стандарте доказывания «вне разумных сомнений», обосновывая его приемлемость для отечественного уголовного процесса.

Ключевые слова: цель уголовно-процессуального доказывания, истина, внутреннее убеждение, стандарт «вне разумных сомнений».

Вопрос о цели доказывания в уголовном процессе относится к числу неоднозначно решаемых вопросов отечественной уголовно-процессуальной науки. При этом для обозначения данной цели в работах отечественных ученых-процессуалистов традиционно использование понятия «истина». Обозначенный вопрос в современной научной дискуссии по нему, особенно обострившейся по причине вынесения на обсуждение Следственным комитетом Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [1], конкретизируется следующим образом: является ли целью доказывания в отечественном уголовном процессе так называемая объективная истина, либо в качестве таковой цели более правильно рассматривать иную по характеру истину, например, юридическую, судебную, формальную, презумпционную? Следует отметить, что к настоящему времени большинство участников данной дискуссии в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе рассматривают объективную истину. Так, в специальной рубрике журнала «Библиотека криминалиста. Научный журнал» 18 авторов, по сути, выступили даже за закрепление в законе понятия «объективная истина», 13 авторов против этого возражали, но часть из последних в целом все же не отказались от рассмотрения объективной истины в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе [2]. При этом под объективной истиной, называемой частью ученых также материальной истиной, ещё с советского периода принято понимать «полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела» [3. С. 308]. Иными словами, это полное и точное соответствие выводов (знаний) уполномоченных субъектов уголовного процесса

об обстоятельствах (фактах) совершенного преступления самим этим обстоятельствам (фактам), как они существовали в объективной действительности.

Думается, значение рассмотрения в качестве цели (т.е. идеального желаемого образа будущего результата) доказывания в отечественном уголовном процессе объективной истины в целом необходимо признать. Прежде всего, стремление суда, а также должностных лиц стороны обвинения к установлению объективной истины по уголовному делу, соответствующее естественному желанию выяснить, «как все происходило на самом деле, в действительности», вполне нормально и адекватно как интересам общества и государства, так и правам, и интересам личности. Рассмотрение объективной (материальной) истины в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе соответствует его формированию в континентальной правовой системе [4. С. 76–84]. Применительно к такому уголовному процессу (и уголовно-процессуальному праву) можно утверждать, что он изначально связан с уголовным правом – является механизмом реализации его норм, обеспечения правильного применения уголовного закона («процесс – форма жизни материального закона»). Правильно применить уголовный закон означает применить его к лицу, действительно виновному в совершении преступления, и в мере, соответствующей степени его вины: здесь и заложена необходимость стремиться устанавливать обстоятельства совершения преступления в полном и точном соответствии с реальной действительностью, т.е. устанавливать объективную истину по уголовному делу. Сформулированное в ст. 6 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) назначение уголовного судопроизводства не может быть достигнуто в условиях, когда у суда и иных субъектов уголовного процесса (особенно наделенных властными полномочиями) отсутствует такое стремление.

В то же время выводы об устанавливаемых фактах, к которым должен прийти суд при разрешении уголовного дела, более правильно называть не объективной истиной, даже если он стремился достичь таковой, а «уголовно-судебной достоверностью» [5. С. 47; 6. С. 38] или «практической достоверностью» [7. С. 41], либо, используя мнение части ещё дореволюционных ученых [5. С. 47; 6. С. 380; 8. С. 303], даже точнее называть такие выводы юридической или судебной истиной. Под юридической (судебной) истиной здесь понимаются полученные судом (а в определенных случаях и органом уголовного преследования) при стремлении к достижению объективной (по своему содержанию) истины и строгом соблюдении требований уголовно-процессуальной формы, основанные на его внутреннем убеждении (при отсутствии разумных сомнений), предельно обоснованные доказательствами, достоверные выводы об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения [9. С. 84–91].

Приведенное понимание характера реально получаемых в ходе уголовно-процессуального доказывания выводов об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения, обусловлено следующими факторами. Во-первых, употребление понятия «объективная истина» для обозначения реальных результатов доказывания по уголовному делу нельзя признать верным и уместным ввиду отсутствия точных критериев достижения судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе того, что принято на-

зывать объективной истиной [10. С. 179–181]. Во-вторых, понятие «объективная истина», судя по вкладываемому в него ещё с советских времен смыслу, характеризует содержание выводов уполномоченных субъектов доказывания, к получению которых они должны стремиться, но это понятие не отражает форму таких выводов, которая в уголовном процессе всегда должна носить юридический характер, т.е. определяться требованиями юридической процедуры, закрепленными в уголовно-процессуальном законе, обеспечивающими верифицируемость и проверяемость этих выводов, а также предполагающими предшествующую защиту прав и законных интересов участников процесса от необоснованных нарушений.

Таким образом, именно юридическую (судебную) истину в приведенном выше понимании следует считать реально достижимой целью доказывания, обязанность установления которой должна быть возложена (и, по сути, возложена действующим УПК РФ) на суд и органы уголовного преследования (при обосновании последними решений, принимаемых по существу уголовного дела).

Следует отметить, что юридическая (судебная) истина в изложенном понимании совпадает именно с получаемыми при стремлении к достижению объективной (по содержанию) истины достоверными выводами об устанавливаемых по уголовному делу фактах и её не следует отождествлять с формальной истиной, изначально характерной для средневекового инквизиционного типа процесса, где истиной, разрешающей уголовное дело, провозглашались, по сути, заведомо вероятностные предположения о фактах, выдвигаемые по правилам формальной теории доказательств (свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению отсутствовала). Обозначенную юридическую (судебную) истину не следует путать и с конвенциональной истиной, являющейся в известном смысле разновидностью формальной истины, т.е. с возможностью разрешения уголовного дела, основываясь на признании истинными предположений о фактах, выдвигаемых при соблюдении формальных требований закона и наличии определенным образом выраженного согласия сторон. В современном УПК РФ возможность ограничиться достижением такого рода истины при разрешении уголовного дела предусмотрена главами 32.1, 40 и 40.1, ст. 25 и некоторыми другими. Также необходимо отграничение от так называемой «презумпционной» истины, например, от установленной согласно презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), которую можно положить в основу разрешения уголовного дела при исчерпании возможностей её опровержения.

Для субъекта доказывания, уполномоченного принимать решение по существу уголовного дела, к которым относится суд, а в известных пределах и органы уголовного преследования, необходимо руководствоваться определенными критериями достижения обозначенной выше в виде цели доказывания юридической (судебной) истины. В уголовном процессе континентальной правовой системы, включая отечественный уголовный процесс, в качестве такого внутреннего критерия для данных субъектов доказывания принято рассматривать наличие у них внутреннего убеждения в соответствии объективной действительности (тому, что было «на самом деле») полученных ими выводов о фактах (обстоятельствах) совершения преступления. Именно оно

является (должно являться) спусковым механизмом, обуславливающим принятие судом (а в известных пределах и органом уголовного преследования) обоснованного достигнутой целью доказывания процессуального решения по существу уголовного дела, вызывающим у данного субъекта доказывания соответствующую решимость. Очевидно, что это субъективный критерий. Соответствующее определение такого рода внутреннему убеждению было дано ещё в советский период: «Внутреннее убеждение, – писал М.С. Строгович, – есть *разумная уверенность* советских судей в правильности их выводов по делу, достигнутая тщательным и всесторонним исследованием обстоятельств дела и вытекающая из твердо установленных и достоверных обстоятельств дела ... внутреннее убеждение... есть субъективное выражение объективной истины» [3. С. 337, 339].

При этом процессуалистами континентальной правовой системы признается то, что отмеченная разумная уверенность субъекта доказывания не должна и не может иметь характер абсолютной, полной несомненности. Еще Вл. Случевский точно заметил: «О полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования» [6. С. 379]. В то же время вопрос о том, какое по характеру (степени) внутреннее убеждение должно сформироваться у субъекта доказывания при принятии им решения по существу уголовного дела, не теряет актуальности для уголовного процесса континентальной правовой системы.

В поисках ответа на этот вопрос уместно обратиться к характерному исходно для уголовного процесса англо-американской правовой системы объективному критерию достижения цели уголовно-процессуального доказывания, именуемому стандартом доказывания «вне разумных сомнений».

«Стандарт «за пределами разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*), сформировавшийся в Англии во второй половине XVIII в., означает, как явствует из его названия, что в достоверности факта (виновности обвиняемого по уголовному делу), – пишет С.Л. Будылин, – не должно остаться разумных сомнений. Это не обязательно означает, что в его достоверности нет вообще ни тени сомнения (*beyond a shadow of doubt*), а означает лишь, что все альтернативные возможности объяснения представленных доказательств являются чрезвычайно маловероятными (*it is possible but not in the least probable*)» [11. С. 33].

Как видно, доказывание «вне разумных сомнений» означает при принятии решения в ходе мыслительной деятельности субъекта доказывания исключение не всех абсолютно сомнений в соответствии полученных им выводов действительности (тому, что было «на самом деле»), а только разумных сомнений [12. С. 639; 13. С. 19], поскольку некоторые («неразумные») сомнения у вменяемого субъекта познания всегда должны оставаться. Разумные сомнения, соответствующие всем иным разумным версиям устанавливаемого события, кроме одной разумной версии, подтвержденной доказательствами и включенной в окончательные выводы субъекта доказывания, должны быть устранены. Такие разумные сомнения должны устраняться в ходе активной мыслительной деятельности субъекта доказывания, основанной на общепризнанном понимании того, какие выводы-знания при определенной доказательственной базе в определенных ситуациях следует считать достоверными,

а какие невероятными или маловероятными (в уголовном процессе последние выступают в виде отвергнутых версий).

Полагаю, что использование стандарта «вне разумных сомнений» в уголовном процессе континентального типа (включая отечественный уголовный процесс) предостережет от понимания характерного для этого процесса субъективного критерия – внутреннего убеждения как полной абсолютной несомненности и в то же время поможет субъекту доказывания ориентироваться не на простой «перевес доказательств» (стандарт, характерный для гражданского процесса англо-американской правовой системы [11. С. 33–35]), а на веские и убедительные доказательства виновности обвиняемого, тем самым, более точно определять характер (степень) внутреннего убеждения, необходимый для принятия решения по существу уголовного дела. Как отмечает относительно роли данного стандарта немецкий ученый К. Энгель: «Роль стандарта доказывания функционально состоит... в том, что высокие требования к доказательствам («за пределами разумных сомнений») устанавливаются так называемый соматический маркер, т.е. своеобразный эмоциональный сигнал, инициирующий более ответственный и осторожный подход к оценке правдоподобности обвинительного варианта истории. Но именно для этого, собственно, и вводится повышенный стандарт доказывания в уголовных делах» [11. С. 57].

В связи с изложенным верными представляются суждения С.Л. Будылина: «В самом деле, для достижения судьей «внутреннего убеждения» в истинности того или иного факта недостаточно, по-видимому, простого перевеса доказательств в пользу того, что этот факт имел место, а требуются доказательства существенно более убедительные. Судя по тому, что на основании принципа «внутреннего убеждения» разрешаются уголовные дела, а соображения о настоятельной необходимости предотвращения судебных ошибок в уголовных делах вполне универсальны, можно предположить, что стандарт «внутреннего убеждения» примерно соответствует англосаксонскому стандарту «за пределами разумных сомнений». Это звучит вполне логично, ведь «у судьи не осталось разумных сомнений в виновности обвиняемого», – это по сути то же самое, что «судья внутренне убежден в его виновности» [11. С. 51–52].

В свою очередь, относительно, по сути, соответствующего стандарту доказывания «вне разумных сомнений» понимания внутреннего убеждения в немецкой теории уголовного процесса Б.А. Филимонов, проанализировав германское законодательство, пояснил: «Судейское убеждение – это основанная на жизненном опыте *достоверность, которой не противоречит разумное сомнение*... Под достоверностью здесь понимается не математическая, а практическая достоверность, доступная человеческому познанию и которая в силу своей сущности может быть и опровержимой... Эта личная достоверность необходима, но и достаточна для осуждения подсудимого. Понятие убеждения *не исключает* возможности существования и иных, противоположных, обстоятельств дела. Скорее всего, это относится к природе убеждения, поскольку очень часто остается *субъективная возможность сомнения*» [14. С. 76].

В связи с вышеизложенным полагаю, что имеются основания не согласиться с мнением отдельных авторов, по сути отвергающих приемлемость стандарта «вне разумных сомнений» для отечественного уголовного судопроизводства. Так, Г.К. Смирнов считает, что этот стандарт противоречит требованию об установлении объективной истины, «заменив её критерием разумной доказанности» [15. С. 11]. При этом остается неясным, что предлагается использовать вместо этого стандарта. Каким критерием достижения цели доказывания необходимо будет руководствоваться? Видимо, автор полагает, что вместо «разумной доказанности» должна быть «абсолютная» доказанность или внутреннее убеждение при отсутствии всякого сомнения?

Но возможно ли внутреннее убеждение «вне всякого сомнения» у *вне-няемого, объективно и разносторонне* (а не субъективно и шаблонно) мыслящего человека (судьи, прокурора, следователя)? При многих обстоятельствах такой человек, делая маловероятные или невероятные (на первый взгляд) предположения об устанавливаемых фактах, будет переживать сомнения, которые невозможно полностью устранить, но и нельзя в конкретной ситуации признать разумными (например, при наличии достаточной совокупности косвенных доказательств вины обвиняемого, делая предположения о том, что убийство совершил не он, а лицо, прошедшее к месту происшествия под неусыпным взором свидетелей, но оставшееся незамеченным ими в силу владения этим лицом навыками гипноза). По логике отвергающих стандарт «вне разумных сомнений» в таких ситуациях суду надо продолжать процесс познания, дальше проверяя подобные маловероятные и невероятные (на первый взгляд) версии?

В реальности же именно стандарт «вне разумных сомнений» реализуется при исследовании обстоятельств совершения преступлений следователями, прокурорами, судьями, в том числе теми, которые считают, что устанавливают «объективную истину». Иными словами, ими устраняются именно «разумные сомнения», до устранения «неразумных сомнений», к счастью, на практике дело не доходит, иначе процесс исследования обстоятельств каждого совершенного преступления был бы бесконечен. Таким образом, стандарт «вне разумных сомнений», как соответствующий осуществляемому в уголовном судопроизводстве реальному процессу оценки доказательств, нет оснований противопоставлять стремлению суда (и должностных лиц стороны обвинения) к достижению объективной (по своему содержанию) истины, влекущему при соблюдении требований уголовно-процессуальной формы получение достоверных выводов об устанавливаемых по уголовному делу обстоятельствах. Этот стандарт удачно дополняет традиционно рассматриваемое в уголовном процессе континентальной правовой системы в качестве субъективного критерия достижения указанной цели доказывания внутреннее убеждение субъекта доказывания в соответствии объективной действительности полученных им выводов о фактах (обстоятельствах) совершения преступления.

Литература

1. *Проект* федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины

по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2007–2014. URL: http://sledcom.ru/documents/Obsuzhdeniya_zakonoproektov/item/1136 (дата обращения: 26.05.2016).

2. Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 5–287.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
4. Головкин Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 65–87.
5. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.
6. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. 4-е изд., доп. и испр. С.-Петербург, 1913. 669 с.
7. Боруленков Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 40–49.
8. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. С.-Петербург, 1914. 547 с.
9. Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. № 2 (8). С. 82–94.
10. Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 177–191.
11. Бобылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 3. С. 25–57.
12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 1124 с.
13. Кухта А.А. К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде «отсутствия разумных сомнений» // Российский судья. 2007. № 4. С. 18–20.
14. Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М.: СПАРК, 1994. 157 с.
15. Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 10–17.

Mezinov Dmitry A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

THE STANDARD “BEYOND REASONABLE DOUBT” AS A CRITERION FOR ACHIEVING THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEDURE PROOF

Key words: purpose of criminal procedure proof, truth, inner conviction, standard «beyond reasonable doubt».

At the beginning of the article the author addresses a question of the purpose of criminal procedure proof, noting that so far most scientists believe that the purpose of national criminal law is the objective truth established in criminal cases. While appreciating such an approach, the author, at the same time, thinks that it is more accurate if the purpose of criminal procedure proof in national criminal law is understood as reliable findings of court or criminal prosecution authorities about the facts established in criminal cases, considering them to be legal (judicial) truth.

It is noted that in criminal proceedings of continental legal system, including the Russian criminal procedure, an internal criterion for achievement of the above proof purpose for courts and in certain cases criminal prosecution authorities is their internal belief in conformity of objective reality (what was “actually” done) with the findings about the facts (circumstances) of crime.

The criterion is of a subjective character. Moreover, its understanding in criminal procedure of continental legal system does not give a definite answer on a question of what character of internal belief the subject should have when deciding on the merits of a criminal case.

Thus, the author addresses the objective criterion of achieving the goals of criminal procedure proof, i.e. the initial characteristic of criminal procedure of Anglo-American legal system named the standard of proof “out of reasonable doubts”, and expresses his disagreement with the opinion of those scientists who reject the acceptability of this standard for domestic criminal procedure.

According to the author, it is unreasonable to oppose the standard “out of reasonable doubts” as corresponding to the real process of assessment of proof to the attempts of court (and the prosecution) to achieve the objective truth (according to its content), resulting, under the observance of require-

ments of a criminal procedure form, in obtaining reliable findings about the circumstances established in criminal cases and designated as the purpose of criminal procedure proof.

This standard successfully supplements the internal belief of courts (and in certain cases criminal prosecution authorities) which is traditionally considered in criminal procedure of continental legal system as the subjective criterion of achieving the above proof purpose in conformity of objective reality with the findings about the facts (circumstances) of crime.

References

1. Investigation Committee of the Russian Federation. (2007–2014) *Proekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya ob"ektivnoy istiny po ugovnomu delu"* [Draft of the Federal Law "On amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the introduction of an institution for establishing objective truth in a criminal case"]. [Online] Available from: http://sledcom.ru/documents/Obsuzhdeniya_zakonoproektov/item/1136. (Accessed: 26th May 2016).
2. Baev, O.Ya., et al. (eds) (2012) *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal* [Forensic library. A Research Journal]. 4(5). pp. 5–287.
3. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [The Soviet criminal process]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Golovko, L.V. (2012) Teoreticheskie osnovy modernizatsii ucheniya o material'noy istine v ugovnom protsesse [Theoretical bases for modernisation of the doctrine of substantive truth in the criminal process]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 65–87.
5. Vladimirov, L.E. (2000) *Uchenie ob ugovnykh dokazatel'stvakh* [The doctrine of criminal evidence]. Tula: Avtograf.
6. Sluchevskiy, V.I. (1913) *Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa* [Russian criminal process]. 4th ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
7. Borulnikov, Yu.P. (2012) Stremlenie k istine – vysshiy zakon pravosudiya [Striving for truth is the highest law of justice]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 40–49.
8. Rozin, N.N. (1914) *Ugovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings]. 2nd ed. S. Petersburg: Pravo.
9. Mezinov, D.A. (2013) Is it necessary to secure the notion "objective truth" in the criminal procedural law? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(8). pp. 82–94. (In Russian).
10. Mezinov, D.A. (2012) Ob"ektivna li istina, ustanavliyaemaya v ugovnom protsesse? [Is the truth established in the criminal process objective?]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 177–191.
11. Budylin, S.L. (2014) Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostey? Standarty dokazyvaniya v Rossii i za rubezhom [moral certainty or balance of probabilities? Standards of proof in Russia and abroad]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*. 3. pp. 25–57.
12. Radchenko, V.I. (ed.) (2006) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Yurayt-Izdat.
13. Kukhta, A.A. (2007) K voprosu o standarte sudebnoy dostovernosti v vide "otsutstviya razumnykh somneniy" [On of the standard of judicial certainty in the form of "the absence of reasonable doubt"]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 4. pp. 18–20.
14. Filimonov, B.A. (1994) *Osnovy teorii dokazatel'stv v germanskom ugovnom protsesse* [The basis of the theory of evidence in the German criminal process]. Moscow: SPARK.
15. Smirnov, G.K. (2012) Vosstanovlenie v UPK RF ob"ektivnoy istiny kak tseli dokazyvaniya [Restoration of objective truth as a goal of proof in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Ugovnyy protsess*. 4. pp. 10–17.